

и ядерную. Или наблюдение, что Р. Никсон выдвинул концепцию многополюсного мира, опирающегося на пять центров, или четкое определение отличия от этой концепции картерской доктрины “трехсторонности”. Таких примеров, свидетельствующих, что автор способен углублять и уточнять оценки и анализ даже именитых предшественников, можно привести много. Поэтому монография полезна для самого широкого круга специалистов. Но, конечно, главные оригинальные научные выводы автора связаны с постижением собственного предмета исследования.

В монографии тщательно, всесторонне, с научной объективностью рассмотрены причины, содержание, последствия, преемственная связь, отличие и своеобразие процессов принятия Договоров ОСВ-1, ПРО-1972, ОСВ-2, РСМД, СНВ-1, СНВ-2, СНП, СНВ-3.

Э.Я. Баталов. АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014, 616 с.

Новое исследование крупнейшего российского американиста, профессора МГИМО(У) МИД РФ Э.Я. Баталова – это его самая объемная книга, включающая как новейшие исследовательские наработки, так и обобщение предшествующих исследований¹. Указывая во введении на многосоставной характер американской политической мысли, он концентрирует внимание на двух ее важнейших компонентах. Это *политическая наука* и *политическая философия*. В нашей стране политическую науку с момента ее признания во второй половине 1980-х годов стали именовать политологией (она пришла на смену научному коммунизму советского периода, а первое поколение политологов являлось вчерашними преподавателями научного коммунизма. – В.С.). За рубежом, особенно в США, где политическая наука возникла сто лет назад, понятие “политология” звучит несколько пренебрежительно, а потому не употребляется. Понятие же “политическая наука” подразумевает наличие у дисциплины полноценных методологических и теоретических основ, развитых методик, в том числе математических, психологических, социологических,

Монография Т.В. Кашириной может использоваться в преподавании различных курсов, в первую очередь новой и новейшей истории, истории международных отношений, мировой политики, как и страноведения, на факультетах истории, политологии, международных отношений высших учебных заведений. Ее научные результаты будут использованы отечественной американистикой как в исследовательских, так и в учебных работах. Представленная работа обогащает российскую американистику и отечественную науку о международных отношениях.

Ю.П. Бойко,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных
отношений
Дипломатической академии МИД РФ

антропологических, культурологических. Это почетная дисциплина, включающая изучение внутри- и внешнеполитических процессов, создающая научный контекст (но он, понятно, может правительством игнорироваться) принятия властных решений. Политическая же философия – это осмысление возможностей оптимального, справедливого и приемлемого для всех обустройства политических оснований мирового порядка и конкретных обществ.

Актуальность обращения к опыту американской политической науки и политической философии XX в. очевидна уже потому, что именно они утвердились на ведущей позиции в мире и выдвинули если не 100%, то уж точно не меньше двух третей наиболее известных представителей. Среди них Х. Арндт, Д. Белл, И. Валлерстайн, С. Верба, Дж. Гэлбрейт, Р. Даль, Дж. Дьюи, Г. Киссинджер, С. Липсет, У. Липпман, Г. Маркузе, Ч.Р. Миллс, Г. Моргентау, Т. Парсонс, У. Ростоу, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, И. Шумпетер и др. Замечу также, что это представители разных мировоззренческих направлений – консерваторов, либералов и “левых”, что свидетельствует о присутствии академической свободы и плюрализма в американской политической науке и политической философии. Объективное знание о них полезно для становящейся на ноги научной дисциплины, каковой является отечественная политология. Э.Я. Баталов как никто другой среди российских ученых способен дать такое знание. Он ученый-энциклопедист,

¹ См., например: *Баталов Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. М., 1990; *его же.* Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005; *его же.* Человек. Мир. Политика. М., 2008.

который посвящен во все обществоведческие дисциплины и который демонстрировал блестящее владение междисциплинарной методологией еще до того, как сама она, как и данное понятие, были признаны в нашей стране.

Кроме того, что принципиально важно, автор на протяжении всей научной деятельности неизменно был привержен постижению научной истины *per se*, был равноудален от идеологических групп обществоведов и, полагая, именно по этой причине не имеет научных регалий, даруемых “сверху”. Предлагая вниманию читателя используемые им научные методы, Э.Я. Баталов включает в них “дескриптивный”. Казалось бы – какая банальность! Но давайте задумаемся в данное им определение: “Автор описывает теории, концепции, идеи, создававшиеся американцами в XX веке, и стремится быть при этом максимально точным” (с. 22). Зададимся вопросом: многие ли исследователи достигают “максимально точного” изложения проработанного и предлагаемого ими материала, которому мы безоговорочно верим? Для такого изложения нужны высокий профессионализм и подлинная идеологическая непредвзятость. Этими качествами Э.Я. Баталов обладает в полной мере. Читатель может довериться его изложению как по-настоящему энциклопедическому. Что касается оценок, то здесь, понятно, возможны дискуссии.

Не вызывает возражений обоснованный Э.Я. Баталовым перечень источников американской политической мысли. Главные среди них – европейское воздействие и национальный опыт самих США. Соотношение их влияния менялось. Если в XVII–XIX вв. американские интеллектуалы активно впитывали французские, английские, немецкие теории и идеи, то в XX в. на первое место в формулировании американской политической мысли выдвинулся собственный национальный опыт. Но и политическая наука, и политическая философия США активно постигали и реалии других стран, а осмысление ими политической практики, скажем, Азии или Африки признаётся специалистами всего мира, в том числе и России.

Обосновывая периодизацию американской политической мысли, Э.Я. Баталов показывает ее зависимость от общественно-политического контекста, но вместе с тем раскрывает и ее суверенность, выразившуюся, например, в том, что этапы политической науки определялись сменой методологических парадигм. Первый этап – с конца XIX в. до 1920-х годов – он обозначает как *традиционалистскую* стадию. Определение *традиционалистская* не должно обмануть читателя. На самом деле

это первый этап политической науки вообще. Если главным объектом для последней были государственно-правовые документы и материалы, то для политической науки главным объектом стала живая политическая практика. На вооружение были взяты собственные категории – *политический режим, политическое участие, политическая культура, группы интересов* и т.д. и т.п. Политическая наука во многих странах и сегодня остается на уровне *традиционалистской* стадии. Но в США с 1920-х годов она вступила в новый этап.

Этот этап, определяемый как бихевиоралистский и сосредоточившийся на поведенческих моделях, типах, особенностях *человека политического*, продолжался до 1960-х годов. Затем наступил и продолжается поныне постбихевиоралистский этап. При всем том, что сохраняется интерес к электоральному поведению и поведению в судебной, законодательной, административной и исполнительной сферах, а также к группам интересов, экономическим, этническим, религиозным общностям, партиям, развивающимся регионам и т.п., появилась новая тематика. Она нацелена на осмысление актуальных проблем постиндустриальной эпохи – политические аспекты глобализации, права человека и национальные суверенитет, социокультурные аспекты политики, геополитические, региональные конфликты и способы их снятия, меняющиеся полюса и центры нового миропорядка.

Среди продекларированных авторских исследовательских методов значится *биографический*. Э.Я. Баталов использовал его мастерски. Создана целая галерея ведущих представителей американской политической науки и политической философии. Среди представителей первого этапа наиболее ярким портретом Дж. Дьюи. Раскрыт не только его знаменитый прагматический метод анализа общественных отношений, но и многие мало или вовсе неизвестные научные аспекты. В частности, вклад в учение о демократии, например, то яркое и многозначительное утверждение, что “демократия – нечто большее, чем просто форма правления... прежде всего (!) это *форма совместной жизни, форма взаимобмена опытом*” (с. 172). Также убедителен портрет Ч.Э. Мерриам, ведущего представителя бихевиористского направления и основателя чикагской школы политической науки, к которой принадлежит немало ее признанных классиков. Такого всестороннего раскрытия научного вклада Мерриам и в целом чикагской школы до Э.Я. Баталова у нас не давал никто.

Среди глубоко раскрытых Э.Я. Баталовым тем хотелось бы выделить изучение американской политической наукой общественного

мнения. Оно стало исследоваться полнокровно с 1930-х годов и с тех пор превратилось в подлинно научное объективное и полезное не только для науки, но и для политической практики направление (его подчас именуют политической социологией). В стране с демократическим политическим режимом, каковой являются США, индикаторы общественного сознания, мнений самых разных экономических, социальных, политических групп не могут игнорироваться ни одной из главных партий. Плюсы и минусы американской внутренней и внешней политики так или иначе, но чаще всего зримо отражают меняющиеся тенденции общественного мнения, которые с нарастающей точностью вскрываются политической наукой. Конечно, общественное мнение само испытывает воздействие пропаганды “сверху”, но всё же общество и власть самостоятельны и, как показывает американский опыт, именно такое взаимоотношение является одной из важных гарантий сохранения демократического режима. Последствия подобного демократического взаимодействия общества и власти неоднозначны, и его противоречивость ярко проявляется как во внутренней, так и особенно, на наш взгляд, во внешней политике США.

Американская внешнеполитическая мысль – это особая важная тема исследования Э.Я. Баталова. Одним из первых в отечественной американистике он раскрыл социокультурные основания американской внешнеполитической мысли и практики. Американскому социуму изначально, еще с колониальных времен, был присущ мессианизм, убеждение в предназначении благодетельствовать своими добродетелями весь мир. Этот мессианизм, пестуемый как “сверху”, так и “снизу”, определил устойчивые константы американской внешней политики, которые только упрочились после того, как в начале XX в. США утвердились в качестве ведущей мировой экономической державы, а после завершения в конце 1980-х годов “холодной войны” стали единственной сверхдержавой. Внешнеполитическая идея *Rex Americana* пестовалась отцами-основателями США, она пропагандировалась В. Вильсоном по завершению Первой мировой войны и уже всем политическим классом США по окончании Второй мировой войны. А после завершения “холодной войны” большинство американцев, как “верхи”, так и “низы”, поверили в реальность переустройства всего мира по американским чертежам. Как показывает Э.Я. Баталов, наиболее изощренный вариант “мировой демократической революции” был предложен современным поколением американских неоконсерваторов,

подчинивших себе Республиканскую партию США.

Парадоксом по отношению к внешнеполитической мысли, демонстрировавшей имперских характер, является внутривнутриполитическая мысль, демократический характер которой углубляется и на современном этапе. Одним из показателей, как показано Э.Я. Баталовым, явилось включение в нее концепции мультикультурализма. Если прежде американская политическая мысль отставала концепцию “плавленного котла”, означавшую “перемалывание” всех американских общностей, в первую очередь иммигрантских, на англосаксонской социокультурной основе, то в постиндустриальную эпоху американская демократия восприняла концепцию “единство в многообразии”, предполагающей сочетание приверженности нации в целом “американскому флагу” с социокультурным мультикультурализмом. При этом, как показывает Э.Я. Баталов, мультикультурализм в США означает признание равноправия не только разных расово-этнических общностей, но также равноправия женщин и сексуальных меньшинств. Демократические нововведения постиндустриальной Америки вызвали серьезные разногласия и даже “культурные войны”, но мультикультурализм в его американском варианте одерживает победу, сопровождаящуюся победами феминисток и геев.

Высоко оценивая новое исследование Э.Я. Баталова, не могу не вступить с ним в дискуссию по одному важному вопросу. Это место в американской политической мысли идеологии. Э.Я. Баталов явно склоняется к точке зрения тех американских авторитетов, которые откровенно преуменьшают или отрицают значение идеологии в американском обществе (с. 68). С этим не могу согласиться. И дело даже не в том, что не меньшее количество американских авторитетов признает огромное и даже центральное место идеологии в американской политической мысли, а в том, что идеология является мощным и во многих отношениях более весомым компонентом американской политической мысли, нежели политическая наука и политическая философия. А многие авторитеты, выделенные Э.Я. Баталовым, например, Дж. Гэлбрейт, З. Бжезинский, Д. Белл, С. Хантингтон, А. Шлезингер-младший, да практически все, будучи политологами, социологами, историками, экономистами, одновременно, пусть и в разной степени, являлись и идеологами.

Спорно следующее суждение автора: “Бжезинский и Хантингтон правы в том отношении, что в Соединенных Штатах действительно никогда не существовало официальной

идеологии, освященной авторитетом государства, церкви или партии и закрепленной национальной политической традицией, как это имело место во многих странах мира” (с. 68). Действительно, формально *государственной идеологии* в США не было и нет. Но фактически она существует и в высшей степени эффективна. Ее принципы изложены в трех основополагающих государственных документах, принятых отцами-основателями американского государства. Это Декларация независимости, федеральная Конституция и Билль о правах (является дополнением к конституции, но имеет и самостоятельное значение). Большинство американцев, независимо от того, являлись ли и являются ли они консерваторами, либералами или социалистами, белыми или черными, мужчинами или женщинами и т.д. и т.п., разделяли и разделяют эти принципы поистине *национальной государственной идеологии*. Она была и остается основой американской *гражданской нации*, которая благодаря прочному идеологическому каркасу гасит в наши дни эксцессы мультикультурализма, чего, кстати, не удалось добиться странам Западной Европы.

Преумножение роли идеологии в США, возможно, стало причиной того, что Э.Я. Ба-

талову не удалось дать убедительной характеристики американских идеологических течений, в том числе главных – либерализма и консерватизма. Их этапы, трансформации и типы – классический либерализм, социальный либерализм, неолиберализм, классический консерватизм, социальный консерватизм, неоконсерватизм, палеоконсерватизм – остались полнокровно не раскрытыми. Высказывая это суждение, ни в коей мере не умаляю научной значимости фундаментального исследования Э.Я. Баталова. Отталкиваясь от формулы “оценивать в научном исследовании то, что сделано, а не то, чего не сделано”, подчеркну, что автор представил нашему обществознанию подлинно фундаментальное, полнокровное, достоверное знание об американской политической науке и политической философии XX в. Это книга, которую полезно читать и перечитывать как маститым, так и начинающим представителям всех общественных наук, среди них, безусловно, и историкам.

В.В. Согрин,
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра Североамериканских
исследований
Института всеобщей истории РАН